

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ**

Юго-западный государственный университет

Kuzmina V.M.

**THE FORMATION OF THE SOCIOCULTURAL SYMBOLS
OF SOVIET EPOCH IN THE CREATION OF POETS AND WRITERS
OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION**

South-West state universiti

Реферат. В статье раскрываются различные направления и формы деятельности поэтов и писателей Центрального Черноземья по формированию социокультурных символов советской эпохи.

Abstract. In the article are revealed different directions and forms of the activity of poets and writers of the central Chernozem Region in shaping of the sociocultural symbols of Soviet epoch.

Ключевые слова: поэты, писатели, социокультурные символы, советская эпоха

The keywords: poets, writers, sociocultural symbols, the Soviet epoch

Построение гражданского общества, независимо от того, является ли оно советским или российским, всегда базировалось на идеологии. Идеология, в свою очередь, должна подкрепляться соответствующими социокультурными символами, которые в сознании каждого человека ассоциируются с тем или иным направлением в политике советского государства, с проводимыми мероприятиями, возможно, с конкретными личностями.

В работе использован модернизационный подход, являющийся продолжением цивилизационного подхода, позволяющего рассматривать культурно-нравственные явления в обществе во взаимосвязи с экономическими и общественными процессами.

Впервые в работах А.С. Ахиезера во всей полноте зазвучала идея о взаимосвязи нравственного и экономического в развитии общества. Благодаря А.С. Ахиезеру было доказано, что модернизацию нельзя изучать изолированно от других процессов, происходящих в обществе, за исключением экономических. Для автора очевидно, что существует тесная взаимосвязь между культурой и социумом, социумом и экономикой и т.д. В теоретико-методологическом плане это приводит к мысли о необходимости рассмотрения деятельности творческой интеллигенции в XX веке несколько под другим углом зрения, чем это было принято в отечественной историографии ранее.

По мнению С. Кара-Мурзы, форсированная индустриальная модернизация немислима без коммунистической идеологии, которая позволяла манипулировать советскими гражданами ради интересов государства [3, с. 18]. Данная идеология должна была превратиться в веру. Это, в свою очередь, привело к необходимости искоренения православной веры. Интеллигенция активно привлекалась к организации и участию в массовых действиях, которые с одной стороны, являлись непосредственной формой отражения гигантского социального переворота и были орудием пропаганды, с другой — приобщали народ к искусству. Неудивительно, что в недрах этих «спектаклей» рождались черты новой эстетики искусства и использовались некоторые новые средства выражения.

Автор статьи не считает нужным подробно останавливаться на советском этапе историографии проблемы, поскольку об этом уже написано достаточно работ. Отметим лишь тот факт, что советские исследователи в своих трудах использовали значительную источниковую базу.

Современная историография характеризуется следующими тенденциями: идет многоаспектное изучение взаимоотношений интеллигенции с властью, с представителями других смежных профессий, с народом; делается акцент на региональных исследованиях, что позволяет поднять большой пласт архивных материалов, которые ранее по разным причинам были недоступны исследователям. Это позволяет подвергнуть анализу те художественные и драматургические произведения, которые ранее, в силу цензуры, были незамечены.

По мере развертывания индустриализации и коллективизации в стране возросла необходимость в усиленном идеологическом влиянии интеллигенции на рабочих и крестьян. Для этой цели необходимо было создать целую систему социокультурных символов эпохи. Заведующий отделом печати ЦК РКП(б) в 1924—1925 гг. И.М. Варейкис, критикуя пролетарские организации писателей, считал, что литература должна была быть

«социалистической», «революционной» или «советской». Для достижения этих целей И.М. Варейкис, наряду с созданием объединения, предлагал взять непролетарскую литературу в еще более «ежовые рукавицы»: «Никакой свободы печати, “свободы” литературы не может быть в классовом обществе. Речь идет о том, какому классу служит данная литература, данный писатель. Наша задача состоит в том, чтобы заставить писателя служить делу социализма, чтобы он свои силы приложил именно на это строительство, а не оплевывание нашей революции, не на высмеивание того “хаоса”, которым он считает революцию, ворвавшуюся стихийным кровавым бураном в его обывательскую жизнь» [1, с. 4].

В результате после ряда дискуссий в июне 1925 года было принято Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». Значение этого документа для развития литературы и искусства в целом ранее уже рассматривалось в работах современных исследователей [4, с. 71]. В данной статье важно отметить, что именно в этом документе указывалось, что «партия должна подчеркнуть необходимость создания художественной литературы, рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского; нужно смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, выработать соответствующую форму, понятную миллионам. Только тогда советская литература и ее будущий пролетарский авангард смогут выполнить свою культурно-историческую миссию, когда они разрешат эту великую задачу» [8, с. 8].

Сталин на собрании писателей-коммунистов на квартире М. Горького 20 октября 1932 года четко обозначил направление деятельности творческой интеллигенции в условиях индустриальной модернизации страны: «Вы должны были создать единую сплоченную коммунистическую фракцию, чтобы перед лицом этого океана беспартийных писателей фракция выступила единым сплоченным фронтом, единым крепким коллективом, направляя вместе с ними литературу к тем целям, которые ставит перед собой партия. А цель у всех у нас одна: строительство социализма» [7]. Таким образом, Сталин еще в 1932 году дал понять писателям, что от них ожидает руководство партии и какова их роль в индустриальной модернизации страны.

В целом, в 1930-е годы сложилась целая система социокультурных символов советской эпохи, которая формировалась в том числе благодаря творческой деятельности поэтов и писателей Центрального Черноземья. Рассмотрим данное утверждение на следующих примерах.

Тема человека труда стало одной из основных в советской литературы. По словам Ф.В. Гладкова, замысел произведения «Энергия» родился у него еще в 1926 г. В 1927 г. писатель посетил Днепрострой. Затем он побывал на Волховской, уже действовавшей электростанции, вернулся на Днепрострой, длительное время принимал активное участие в жизни партийной организации стройки [9, с. 34]. Производственные романы «Цемент» (1925) и «Энергия» (1933) выдвинули Ф.В. Гладкова в первый ряд официально признанных советских писателей. Роман «Энергия» посвящен строительству гидроцентрали. Наряду с экономическими трудностями его герои, как и в «Цементе», проходят через трудно складывающиеся личные взаимоотношения. В романе более 120 действующих лиц. Роман «Энергия» пережил судьбу, сходную с той, что была у «Цемент». Перипетии сюжета так или иначе рисовали изношенных непомерными нагрузками, усталых людей. Независимый труженик, стремящийся к новому для себя счастью через свободный труд — один из основных символов советской эпохи.

В 1921 г. в Воронеже выходит небольшая книга А.П. Платонова «Электрификация», в 1922 г. в Краснодаре — книга стихов «Голубая глубина» [5, с. 81—82]. Читатель чувствовал, что А.П. Платонов — в душе не только сын своего слесаря-отца, но и вообще русского рабочего. «У него — как и у этого молодого гиганта, познавшего коллектив, машину, производство, но еще не порвавшего с деревней, не освободившегося от “тяги к земле”, — два перепева: фабричного гудка, потной работы, мускульной отваги, коллективного творчества, мощи Нового Города, с одной стороны, и поля, степи, голубой глубины, ржаных колосьев, “Мани с Усмани” и большой дороги со странником Фомой — с другой», — писал в предисловии к книге Г.З. Литвин-Молотов, редактор издательства, известный партийный деятель, «наставник» воронежских пролетарских писателей [10, с. 32].

Воронежская писательница О.К. Кретьева написала документальную повесть «Выбор». В повести рассказывалось о выборе советскими крестьянами своего нового пути. О. Кретьева сумела нарисовать не только характер человека, но и «образ» Времени, которое живет в повести как полноправный персонаж. Первый свой очерк «Заслужил» о коммунисте, сражавшемся с кулаками за новую жизнь крестьян-бедняков, она написала в 1925 году. Он был опубликован в популярной тогда газете «Беднота». Вскоре после этого молодая писательница сближается с литераторами Воронежа, которые в ту пору образовали при региональном журнале «Воронежская коммуна» и «Нашей газете» литературную группу «Чернозем».

Особенностям социалистического строительства в Черноземье посвящен сборник стихов Н.Н. Асеева «Наша сила» (1939). В стихах автору удалось создать гармоничный облик советского человека, который самостоятельно строит свое будущее. М. Булавин в книге «Лава» изобразил борьбу за увеличение добычи угля на одном из московских угольных бассейнов. При этом характеры героев проходят проверку тяжким, изнуряющим трудом, который в конечном итоге становится источником преобразования многих людей, работающих в шахтах угольного бассейна.

Аркадий Гайдар благодаря своему творчеству сумел в сердцах мальчишек и девчонок «зажечь огонь» строителей нового общества, нового будущего. Он показал, что именно активность, направленная на благие дела, на преобразования, способна совершить чудо: произойдут те самые изменения, в результате которых происходит рождение советского гражданина. Он учил их жить в коллективе, бороться за идею, не отступать, быть верными друзьями, стремиться к самостоятельности и т.д. Со своими читателями Гайдар говорил об очень серьезных вещах: о сложности жизни, об ответственности за свои поступки, о человеческой солидарности, о любви к Родине.

Не только серьезные и идеологически грамотные произведения пользовались успехом у читателей и влияли на формирование их самосознания, но и сатирические, обличительные. Правдивостью изображения довоенной колхозной жизни, актуальностью и смелостью постановки вопросов отличались рассказы и очерки В. Овечкина. Рассказы В. Овечкина подкупали убедительностью показа нового колхозного быта, который уже стал органическим, привычным в жизни деревни. Новое становится особенно очевидным при сопоставлении с еще недавним прошлым: на этом строится рассказ «Родня» (1938). Живо передано Овечкиным новое в жизни деревни в известном рассказе «Гости в Стукачах» (1940), рисующем соревнование двух колхозов [2]. Но колхозная жизнь в рассказах Овечкина не идиллия. В них немало изображено плохих руководителей, разваливающих колхозное хозяйство, нерадивых колхозников, «летунов», спекулянтов. Писатель рассказывает, как трудно иной раз приходится передовым людям деревни.

В послевоенные годы осмысление данных базовых характеристик социокультурных символов в произведениях писателей Центрального Черноземья продолжилось. Например, в рассказах молодого воронежского писателя Т. Журавлева «Комбайнеры» (1953) и Г. Николаевой «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» (1954) была изображена деятельность работников машинно-тракторных станций, борьба передовых людей МТС за новые методы работы. Они посвятили свою повесть людям,

труженикам села, острым проблемам перестройки их работы в соответствии с новыми задачами, поставленными партией.

Точно также большой интерес вызвали произведения молодого писателя В. Тендрякова — повести «Падение Ивана Чупрова» (1953) и «Не ко двору» (1954) и ряд рассказов, особенно «Ненастье» (1954). Читатели в этих произведениях смогли увидеть необходимость действия в соответствии с партийными установками, поскольку иное не только наказуемо со стороны соответствующих органов, оно разлагающе действует на самих людей — носителей данной идеологии. Рассказ «Ненастье» направлен против косности взглядов в управлении колхозами. Тяжелые переживания человека, убедившегося в порочности своих методов работы, вскрыты глубоко и убедительно, что придает рассказу большую действенность.

В связи с возросшим вниманием писателей к проблемам идеологической жизни советского общества, к вопросам морали, конфликты в произведениях этого периода показывались глубже и были сложнее, чем во многих произведениях предшествующих лет.

Уже на начальном этапе своего творчества тема малой Родины, тема труда, тема формирования нового человека проходит красной нитью через все творчество другого выдающегося русского писателя этого времени Е.И. Носова. «Как писатель я черпаю вдохновение в своем курском соловьином крае, я переносил на страницы книг образы простых людей, которых встречал на пашнях и в избах, людей, заровнявших воронки и около недавней войны и вновь обративших поля сражения в поля мирного созидания», — говорил Е.И. Носов [6, с. 6].

Проблемы, которые Е.И. Носов начал рассматривать в 1950-е годы, а затем и в 1960—1970-е годы в своих произведениях, нельзя назвать локальными. Индустриализация страны и возникновение новых городов и поселков, развитие послевоенной деревни, рост материального благосостояния народа, проблемы нравственности, традиции и современность, отцы и дети, взаимоотношения человека с природой, советский образ жизни — все это значимо и существенно для каждого читателя.

Эти примеры художественных произведений говорят о том, что благодаря творчеству поэтов и писателей в обществе закрепились следующие социокультурные символы:

— борьба старого и нового в виде советского человека-борца, стремящегося к созиданию новой социалистической действительности;

- бескорыстный труд на благо отечества;
- жертвенность индивидуального ради коллективного.

Помимо данных нравственно-идеологических символов, появляются еще и символы экономической и технической жизни в стране:

- пятилетки;
- освоение космоса;
- гигантские стройки и рост промышленности т.д.

Благодаря этим символам советская эпоха была узнаваема в любом обществе, для одних граждан служила своеобразной «отправной точкой», для других — «маяком» в их деле. Творческая интеллигенция формировала новый тип советской личности, способной на самопожертвование ради коллективных и государственных интересов.

На этом основании можно сказать, что сегодня в нашем восприятии «советская эпоха» понятие достаточно противоречивое, поскольку для одних — это время становления величия страны, для других — время репрессий. И тех и других объединяют символы советской эпохи, на которых они были воспитаны, и в этом величайшая заслуга наших отечественных поэтов и писателей.

Рецензенты:

Третьяков А.В., д.и.н., проф., зав. кафедрой Истории Отечества Курского государственного ун-та;

Сойников А.А., д.и.н., проф., зав. кафедрой Истории Отечества Курского государственного ун-та.

Список литературы

1. Варейкис И. О нашей линии в художественной литературе и о пролетарских писателях // Правда. 1925. № 40. 18 февр.
2. Гуманистический характер произведений о труде // Ковалев В.А. Очерки истории русской советской литературы. М., 1952. Ч. 2. Режим доступа: <http://www.biografia.ru/arhiv/ochlit07.html> (дата обращения 23.03.2012)
3. Кара–Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2009. 864 с.
4. Кузьмина В.М. Особенности государственной политики в отношении творческой интеллигенции в период становления и развития командно-административной системы (1920-1940-е годы) // Известия Алтайского государственн. ун-та. 2008. № 4—1. С. 71.

5. Кузьмина В.М. Участие творческой интеллигенции Центрального Черноземья в социально-экономической жизни советского общества на этапе форсированной индустриальной модернизации // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3—4. С. 81—82.
6. Литературная газета. 1976. 14 янв. С. 6.
7. Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946) // Вопросы литературы. 2003. № 4.
8. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» // Известия ЦК РКП(б). 1925. № 25—26. С. 8—9; Правда. 1925. 1 июля.
9. Уханов И. П. Творческий путь Ф. Гладкова. М., 1953. 60 с.
10. Шубин Л. А. Первая школа искусства жить: (истоки творчества Андрея Платонова) // Вопросы литературы. 1984. № 1. С. 31—61.